

Максим Власов

**Разговор с
ДЬЯВОЛОМ**

**Одиннадцать протоколов о
природе зла**

Максим Власов

Разговор с дьяволом

«Автор»

2026

Власов М.

Разговор с дьяволом / М. Власов — «Автор», 2026

Криминальный психолог проводит одиннадцать бесед с убийцами, вскрывая анатомию зла. Каждый протокол показывает, как легко живой человек становится функцией или материалом. Но чем глубже герой погружается в чужие бездны, тем пугающе знакомым становится его собственный язык. Зло — не диагноз за стеклом, а дремлющая в каждом способность отменять реальность другого. Леденящий роман-досье о том, как наблюдатель незаметно начинает говорить голосом бездны.

© Власов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Вход в отсек	5
Глава 1. Протокол № 014-А. «Механик»	9
Глава 2. Протокол № 022-В. «Пустота»	20
Глава 3. Протокол № 031-Л. «Должник»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Разговор с дьяволом

Пролог. Вход в отсек

Меня предупредили, что он не будет говорить.

Это был не прогноз — это была формулировка из сопроводительного документа, составленного тремя специалистами за восемь месяцев до нашей встречи. Документ занимал сорок две страницы. На сорок второй, в разделе «Рекомендации по дальнейшей работе», стояло одно предложение:

Продуктивный контакт представляется маловероятным.

Я прочитал это трижды. Не потому что не понял — потому что хотел запомнить точно, чем именно я пренебрёг, когда всё равно попросил разрешения войти.

Блок усиленной изоляции находился в северном крыле. Коридор туда шёл под небольшим уклоном вниз — не физически, не измеримо, но ощущение снижения было. Может быть, это был свет: под потолком через равные промежутки висели лампы дневного типа, и каждая следующая казалась чуть тусклее предыдущей. Может быть, это был звук: он не исчезал, он становился другим — плотнее, без отражений, как будто стены начинали поглощать вместо того, чтобы отдавать.

Охранник шёл впереди. Не говорил ничего.

Я нёс с собой папку, диктофон и блокнот. Стандартный набор. Я брал его на каждую первую встречу двадцать два года подряд, и папка успела смениться трижды, диктофон четырежды, блокнот — не считал. Что-то в этом наборе работало как якорь. Не защита — якорь. Способ напомнить себе, кто здесь специалист.

Охранник остановился у двери. Дверь была металлической, выкрашенной в серо-зелёный цвет, который в учреждениях такого типа, кажется, не менялся с советских времён. Он посмотрел на меня без особого выражения.

— Пятнадцать минут, — сказал он.

— Час, — ответил я. — В постановлении указан час.

— Пятнадцать минут вам хватит, — сказал он.

И открыл дверь.

Первое, что я зафиксировал: он уже смотрел на меня.

Не повернулся, когда я вошёл. Не поднял голову. Просто смотрел — как будто знал заранее, с какой стороны я появлюсь, в какую секунду, с каким выражением лица. Он сидел за столом, руки лежали перед ним на поверхности — спокойно, симметрично, почти демонстративно открыто. Человек, которому нечего скрывать не потому, что он честен, а потому что ему не нужно скрывать.

Я сел напротив.

Достал блокнот. Положил диктофон.

Он посмотрел на диктофон. Потом на меня. Ничего не сказал.

Я представился. Назвал своё имя, должность, основание для встречи. Это была процедура — не для него, для записи. Он, очевидно, знал всё это лучше меня.

Он молчал.

Я открыл папку. Начал с нейтрального: как он себя чувствует, есть ли жалобы на условия содержания, нет ли проблем со здоровьем.

Он молчал.

Я не торопил. В работе с такими субъектами молчание — это тоже данные. Молчание агрессивное отличается от молчания выжидающего, выжидающее — от молчания пустого,

пустое — от молчания намеренного. Его молчание было другим. В нём не было ни напряжения, ни демонстрации, ни скуки, ни расчёта — во всяком случае, ничего из того, что я умел читать.

Оно было просто молчанием.

Я перешёл к делу. Кратко, без нажима, обозначил темы, которые планировал затронуть. Говорил около четырёх минут. Он смотрел на меня всё это время — ровно, без смены точки фокуса, как смотрят на что-то, что нужно понять, но торопиться незачем.

Когда я замолчал, прошло несколько секунд.

Потом он сказал:

— Вы принесли блокнот.

— Да.

— Вы в него ещё не писали.

— Нет.

— Почему?

Я подумал. Это был хороший вопрос — не в смысле глубины, а в смысле точности. Я действительно ещё не писал. Обычно я делал первые пометки сразу, автоматически, как только садился. Сейчас нет.

— Не знаю, — сказал я. Это была правда.

Он слегка кивнул. Как будто это был правильный ответ.

Снова молчание. Но теперь оно было другим — не закрытым, а чем-то вроде паузы между двумя предложениями.

— Сколько у вас было таких бесед? — спросил он.

— Много.

— Сколько?

— Больше трёхсот.

Он обдумал это.

— И вы каждый раз приходили с блокнотом.

— Да.

— И каждый раз писали.

— Как правило.

— Но не сегодня.

Я не ответил. Он не ждал ответа.

Следующие двадцать минут он не говорил почти ничего. Односложные ответы на прямые вопросы. Иногда — тишина вместо ответа. Иногда — взгляд, который я затруднился бы описать профессиональным языком, хотя именно это и является моей профессией.

За двадцать два года работы я научился не заполнять паузы. Научился ждать. Научился доверять тишине как инструменту — потому что большинство людей не выдерживают её и начинают говорить: оправдываться, объяснять, нападать, флиртовать с собственной значимостью.

Он не делал ничего из этого.

Он просто был в комнате. С полным, не демонстративным, совершенно спокойным присутствием человека, которому некуда торопиться не потому что у него нет дел, а потому что он давно перестал делить время на важное и неважное.

Я поймал себя на мысли, что не знаю, кто здесь проводит беседу.

За пять минут до конца отведённого времени он произнёс первую длинную фразу.

Не резко. Не с паузой для эффекта. Просто — как человек, который наконец решил сказать то, что думал с начала.

— Вы ведёте эту работу давно, — сказал он. — Вы хорошо в ней разбираетесь. Это видно.

Я ждал.

— Но я хочу вам кое-что сказать. Не как наблюдение о вас лично. Как наблюдение вообще.

— Говорите.

Он посмотрел на мои руки. Потом — на блокнот. Потом — на меня.

— Люди, которые занимаются такой работой, как ваша, — сказал он, — обычно говорят себе одно и то же. Что они пришли разобраться. Понять. Составить картину. Помочь следствию, науке, практике. Это правда — они действительно пришли за этим.

Пауза.

— Но есть кое-что ещё. Что-то, что они себе не говорят. Или говорят — но не так громко.

— И что это? — спросил я.

Он не торопился.

— Вы пришли не только выяснить, почему люди делают то, что делают, — сказал он наконец. — Вы пришли выяснить, почему вам так трудно от этого отвернуться.

Тишина.

Он не улыбнулся. Не откинулся назад с видом человека, только что произнёсшего нечто значительное. Он просто смотрел — с тем же ровным, нечитаемым вниманием, с каким смотрел с момента, когда я вошёл.

Как будто сказал что-то очевидное.

Как будто удивился бы, если бы я стал спорить.

Охранник открыл дверь раньше, чем я успел ответить.

— Время, — сказал он.

Я закрыл папку. Убрал диктофон. Встал.

Субъект не двинулся с места. Руки по-прежнему лежали симметрично на столе.

У двери я остановился. Обернулся — не знаю зачем. Это была не профессиональная необходимость.

Он всё ещё смотрел на меня.

— Я вернусь, — сказал я.

— Я знаю, — ответил он.

В коридоре я открыл блокнот.

Страница была пустой.

Я написал одно слово — не имя, не термин, не классификацию. Просто слово, которое пришло само, раньше мысли:

Осторожно.

Потом подумал ещё секунду.

И дописал под ним:

С собой.

Это был первый день из одиннадцати.

То, что следует дальше — это протоколы. Одиннадцать бесед с одиннадцатью людьми, каждый из которых совершил то, что закон называет тяжким преступлением, а я привык называть иначе: разными способами прекратить переживать другого человека как реального.

Я старался быть точным. Я старался не терять дистанцию. Я старался помнить, чем наблюдение отличается от участия, а понимание — от согласия.

Не всегда это удавалось в равной мере.

Читатель, который доберётся до последней страницы, поймёт почему.

Читатель, который не доберётся, — возможно, поступит мудрее.

М.А. Серов

Из предисловия к рабочим материалам

Дата не указана

Глава 1. Протокол № 014-А. «Механик»

Протокол № 014-А

Дата: 17.03.20—

Время начала: 14:20

Время окончания: 16:35

Место: ФКУ СИЗО-4, корпус Б, кабинет психологического сопровождения № 3

Основание: дополнительная психологическая экспертиза по постановлению следователя по особо важным делам Краснова В.И., постановление № 771/СО

Участники: эксперт-психолог Серов М.А.; субъект 014-А; сотрудник конвоя за стеклянной перегородкой

Запись: цифровой аудиофайл 014-А_1, 014-А_2; стенографическая расшифровка; рукописные пометки наблюдателя

Степень доступа: ограниченный, для служебного пользования

Примечание: беседа является третьей по счёту в рамках данной экспертизы; предыдущие две проводились коллегами-экспертами и признаны недостаточными для окончательного заключения

I. Статус субъекта

Субъект 014-А

Мужчина. 44 года. Уроженец Рязанской области. Среднее специальное образование — техник-механик, специализация холодильного и климатического оборудования. Работал по профессии двадцать один год, последнее место — сервисный центр, должность старшего механика. Характеристики с места работы: исполнительный, педантичный, конфликтов не допускал, держался особняком, сверхурочные брал охотно, в корпоративных мероприятиях участия не принимал. Женат, двое детей — сын шестнадцати лет и дочь двенадцати. Проживал совместно с семьёй.

Статья / статьи:

ч. 2 ст. 105 УК РФ — убийство двух и более лиц, совершённое с особой жестокостью; надругательство над телами умерших.

Подтверждённые эпизоды:

Три. Жертвы — супруга, 41 год; тесть, 68 лет; свояченица, 38 лет. Все — в пределах одного домохозяйства, в течение одного вечера.

Предполагаемые эпизоды:

Следствие рассматривало возможность причастности к исчезновению соседа по прежнему адресу проживания — факт не доказан, субъект отрицает, материалы выделены в отдельное производство.

Предварительная оценка структуры личности:

Выраженная эмоциональная уплощённость при сохранном интеллекте в пределах нормы. Признаки шизоидной организации личности без психотической симптоматики. Межличностная дистантность не носит защитного характера — по всей видимости, является конституциональной. Аффективная жизнь бедная, не диссоциированная — просто бедная. Эмпатия в клиническом смысле: отсутствует как переживание, частично сохраняется как когнитивная функция. Мотивационная структура — инструментальная.

Особые примечания:

Субъект не проявлял агрессии в ходе предыдущих бесед. Не лгал активно — скорее уклонялся от развёрнутых ответов. Воспринимал вопросы о жертвах как технически нерелевантные. Интерес к собственному делу — низкий. К собственной судьбе — также.

II. Фабула дела

Вечером 11 сентября прошлого года субъект 014-А вернулся домой около восьми часов. По данным телефонной активности и показаниям соседей, в период с восьми до девяти тридцати в квартире происходил конфликт — были слышны голоса, один раз — громкий удар. В десять сорок пять субъект позвонил в скорую. Когда бригада прибыла, он открыл дверь, провёл медиков в гостиную и произнёс фразу, которая впоследствии стала одной из ключевых в деле: «Они там». Не «что-то случилось». Не «помогите». «Они там» — как указание на местонахождение предмета.

В квартире были обнаружены тела троих: супруги, тестя, находившегося в гостях, и свояченицы, приехавшей на выходные. Характер повреждений — множественная тупая травма головы, нанесённая инструментом, впоследствии идентифицированным как разводной ключ из домашнего инструментального набора субъекта. Следы постмортальных манипуляций с телами — задокументированы.

Субъект не предпринял попытки скрыться. Сидел на кухне, когда прибыли оперативники. Перед ним стояла чашка чая.

На вопрос дежурного следователя «что произошло» субъект ответил: «Проблема с долгом. Я её решил».

Долг — восемьдесят семь тысяч рублей, взятые у тестя два года назад на ремонт автомобиля. По материалам дела, тесть периодически напоминал о долге при встречах. Свидетели характеризуют эти напоминания как «обычные», «не агрессивные», «в рамках нормального разговора».

Версия следствия: в вечер преступления между субъектом и тестем произошёл очередной разговор о долге. Субъект принял решение, взял инструмент и последовательно убил всех троих находившихся в квартире — по всей видимости, руководствуясь логикой устранения свидетелей.

Версия субъекта: «Так правильное было».

III. Транскрипция беседы

Начало записи. 14:23.

Субъект вошёл без конвоира — его сопровождали до двери. Прошёл к столу, сел. Осмотрел комнату коротко, без интереса — скорее по привычке фиксировать параметры нового пространства. Кивнул мне. Не поздоровался — кивнул. Как человек, которого позвали, и он пришёл.

Серов: Игорь Валентинович, мы с вами видимся в третий раз, но первый — со мной. Меня зовут Михаил Андреевич. Я работаю по поручению следствия, цель беседы — психологическая экспертиза. У вас нет обязанности отвечать на вопросы, которые кажутся вам неуместными.

014-А: Понятно.

Серов: Как вы себя чувствуете?

014-А: Нормально.

Серов: Спите хорошо?

014-А: Да.

Серов: Питание устраивает?

014-А: В целом да. Каша иногда пересолена.

Серов: Отмечу. [пауза] Игорь Валентинович, я прочитал материалы ваших предыдущих бесед. И дело — полностью. У меня есть несколько вопросов, которые мне важно задать не для протокола следствия, а для понимания. Вы не против?

014-А: Спрашивайте.

Серов: Расскажите мне про ключ.

014-А: [пауза около трёх секунд] Что именно?

Серов: Почему именно ключ? Из всего, что было в квартире.

014-А: Он был в коридоре. В ящике.

Серов: То есть — просто под рукой?

014-А: Да.

Серов: Вы не думали заранее о том, что возьмёте?

014-А: Нет.

Серов: Когда вы решили?

014-А: Когда понял, что нужно.

Серов: Понял — в какой момент вечера?

014-А: [без паузы] Когда Семён Аркадьевич начал говорить про деньги.

Серов: Это ваш тесть.

014-А: Да.

Серов: Он часто про это говорил?

014-А: Периодически.

Серов: И в этот раз что-то было иначе?

014-А: [пауза около пяти секунд. Смотрит на стол] Нет. В этот раз — так же. Просто я уже понял, что так будет всегда.

Серов: Что именно — «так»?

014-А: Что будет напоминать. Каждый раз. Пока не отдам. А я не мог отдать.

Серов: Почему не могли?

014-А: Не было.

Серов: Денег?

014-А: Да. Ну и... [пауза] Не было уже в ближайшей перспективе. Я прикидывал.

Серов: Значит, вы понимали, что ситуация с долгом не изменится скоро.

014-А: Да.

Серов: И вы решили её изменить.

014-А: Да.

[Пауза. Серов не заполняет её.]

014-А: [негромко, не как дополнение — как уточнение] Это было логично.

Здесь я впервые зафиксировал слово, которое потом встречалось в его речи ещё семь раз. «Логично». Не «правильно», не «вынужденно», не «иначе нельзя было». «Логично» — как если бы речь шла о задаче, у которой существует решение, и он его нашёл.

Серов: Игорь Валентинович, когда вы говорите «решить ситуацию» — что вы имеете в виду конкретно?

014-А: [смотрит на меня с лёгким удивлением] Ну... убрать то, что мешало.

Серов: «То» — вы сейчас сказали «то».

014-А: [небольшая пауза] Ну... людей, которые мешали.

Серов: Семёна Аркадьевича.

014-А: Да.

Серов: И вашу жену.

014-А: Она бы рассказала. Потом.

Серов: Кому?

014-А: Всем. В полицию бы пошла. Она такая была.

Серов: «Такая» — это какая?

014-А: [пауза] Принципиальная.

Серов: А свояченица?

014-А: Была рядом. Видела.

[Тишина. Около восьми секунд.]

Серов: То есть — она оказалась в ситуации случайно?

014-А: Можно так сказать.

Серов: Игорь Валентинович, она приехала к вам в гости. К вашей жене. Её звали Людмила.

014-А: Я знаю, как её звали.

Серов: Вы хорошо её знали?

014-А: Двадцать лет. Почти.

Серов: Двадцать лет — и «была рядом».

014-А: [тихо, без раздражения] Я понимаю, что вы хотите сказать.

Серов: Что я хочу сказать?

014-А: Что это... нехорошо. Что она ни при чём. [пауза] Я понимаю. Но иначе не получалось.

Серов: Что не получалось?

014-А: Убрать проблему полностью.

Снова — «убрать проблему». Людмила, которую он знал двадцать лет, стала частью «проблемы» не потому что что-то сделала. Потому что оказалась в комнате.

Я записал в блокноте одно слово: «периметр». Он думал периметром задачи. Кто внутри — часть задачи. Независимо от того, кем был до этого.

Серов: Игорь Валентинович, я хочу понять кое-что. Вы сказали — «иначе не получалось». Вы думали о других вариантах?

014-А: Думал.

Серов: Каких?

014-А: Уехать. Но куда — непонятно. Работа здесь, дети учатся. [пауза] Объявить себя банкротом — но тогда потеряешь всё, что есть. А там немного, но всё равно.

Серов: Договориться с тестем — об отсрочке, о частичном погашении?

014-А: Это было сделано. Неоднократно.

Серов: И что?

014-А: Он соглашался. Потом через какое-то время снова начинал.

Серов: То есть вы пробовали договориться?

014-А: Да.

Серов: Но решили, что этот путь закрыт.

014-А: Да.

Серов: И из всех оставшихся вариантов — выбрали этот.

014-А: Да.

Серов: Игорь Валентинович, а вариант просто... жить с этим долгом — не рассматривался?

[Первая долгая пауза. Около двенадцати секунд. Субъект смотрит в сторону, потом — обратно на меня.]

014-А: Это не вариант.

Серов: Почему?

014-А: Потому что оно не заканчивалось бы. Это бы так и висело.

Серов: Висело — где?

014-А: [с лёгким раздражением, первым за всю беседу] Ну... везде. В голове.

Серов: Вас беспокоило, что это будет в голове?

014-А: Да. Это мешало.

Серов: Работать мешало?

014-А: Работать. Спать. Просто... функционировать нормально.

«Функционировать нормально». Я остановился на этой фразе. Для него убийство троих людей, двадцать лет из которых он знал одного и двадцать один год прожил с другой, — было решением проблемы функционирования. Не ярость. Не ненависть. Не страдание даже — своё собственное. Дискомфорт. Помеха нормальной работе системы.

Я впервые за долгое время не знал, что писать в блокноте.

Серов: Игорь Валентинович, вы сейчас сказали, что долг «мешал». Я хочу уточнить. Когда вы в тот вечер взяли ключ — что вы чувствовали?

014-А: [думает] В каком смысле?

Серов: В прямом. Что было внутри?

014-А: [долгая пауза. Около десяти секунд. Кажется, он искренне пытается вспомнить и ответить точно] Сосредоточенность. Наверное.

Серов: Не страх?

014-А: Нет.

Серов: Не злость?

014-А: [качает головой] Нет.

Серов: Не... что-то ещё?

014-А: Нет. Просто — надо было делать, и я делал.

Серов: Вы думали о том, что будет потом?

014-А: Думал.

Серов: О чём?

014-А: Что позвоню. В скорую или в полицию. Что скажу, что произошло. Что это будет суд. [пауза] Я понимал, что будет суд.

Серов: Вас это... пугало?

014-А: [почти удивлённо] Нет.

Серов: Почему?

014-А: Потому что... [пауза] Потому что это было правильное решение. А за правильное решение — ну, будут последствия. Я был готов.

Серов: Правильное решение — это убить троих людей.

014-А: [без малейшей агрессии, почти терпеливо] Правильное решение в той ситуации — да.

Он сказал это без защиты. Без морального ухода. Без попытки смягчить. Просто — как человек, которого спросили, правильно ли он затянул болт, и он ответил: да, момент затяжки соответствовал требованиям.

Я почувствовал что-то, что заняло у меня некоторое время, чтобы идентифицировать это чувство. Не страх. Не отвращение. Что-то похожее на головокружение — как бывает, когда смотришь вниз с большой высоты и осознаёшь, что высота реальна.

Серов: Игорь Валентинович, я хочу вас спросить о Людмиле. Отдельно.

014-А: Хорошо.

Серов: Вы сказали — двадцать лет знали её.

014-А: Да.

Серов: Как она была — как человек?

014-А: [пауза. Первый раз за беседу что-то похожее на обдумывание не задачи, а содержания] Нормальная. Тихая. Работала учителем. Математика, кажется. Или физика. [пауза] Математика.

Серов: У неё были дети?

014-А: Двое. Взрослые уже.

Серов: Вы их знаете?

014-А: Видел несколько раз. На праздниках.

Серов: Они знают теперь, что произошло?

014-А: [очень тихо] Наверное.

Серов: Игорь Валентинович — вы думаете о них?

[Долгая пауза. Пятнадцать секунд — почти рекорд для этой беседы.]

014-А: [тихо, без интонации] Иногда.

Серов: И что вы думаете?

014-А: [ещё тише] Что неудобно получилось.

«Неудобно получилось».

Я записал это дословно. Подчеркнул дважды.

Людмила, учитель математики, мать двоих взрослых детей, которую он знал двадцать лет. «Неудобно получилось». Не вина. Не сожаление в привычном смысле. Что-то вроде признания технической погрешности — когда решение было правильным, но имело нежелательный побочный эффект.

Он не был жесток к Людмиле. Он был к ней равнодушен так абсолютно, что даже факт её смерти не мог пробить эту поверхность.

Серов: Игорь Валентинович, вы сейчас сказали «неудобно». Что вы имеете в виду?

014-А: Ну... она ни при чём была. Я понимаю. Просто — так вышло.

Серов: Вам жаль её?

[Пауза. Около восьми секунд.]

014-А: Я... не знаю.

Серов: Как — не знаете?

014-А: Ну, я понимаю, что должно быть жаль. [пауза] Но я не знаю, есть ли оно. Жаль.

Серов: Вы пытаетесь его найти?

014-А: [очень тихо] Пытаюсь.

[Тишина. Семь секунд.]

014-А: Не нахожу.

Это, пожалуй, был единственный момент в беседе, когда я почувствовал нечто похожее на его внутренний контакт с происходящим. Не раскаяние — нет. Но что-то: осознание разрыва между тем, что должно быть, и тем, что есть. Осознание пустоты на месте чего-то.

Он не притворялся. Он действительно искал и не находил. И это было, как ни странно, страшнее всего остального.

Серов: Игорь Валентинович, я хочу спросить о ваших детях.

014-А: [сразу, без паузы] Не надо.

Серов: Почему?

014-А: [первый раз что-то твёрдое в голосе. Не агрессивное — просто закрытое] Это отдельно.

Серов: Хорошо. [пауза] Один вопрос только — вы думаете о них?

014-А: Да.

Серов: Часто?

014-А: Каждый день.

[Тишина.]

Серов: Игорь Валентинович, я хочу понять. Ваша жена была их матерью.

014-А: [долгое молчание. Смотрит в стол] Я знаю.

Серов: И вы думаете о детях каждый день.

014-А: Да.

Серов: Как это сочетается — в вашей голове?

[Самая долгая пауза беседы. Двадцать две секунды по моему счёту. Он не смотрит на меня. Смотрит в стол, потом в стену — не изучает, просто не смотрит на меня.]

014-А: [очень тихо, почти неслышно] Не сочетается.

Это была единственная трещина.

За два часа — одна. Маленькая. Не разлом — трещина. Место, где что-то не сошлось. Где задача нарушила собственную логику, потому что задача затронула то, что он, по всей видимости, не смог полностью перевести в категорию задачи.

Своих детей — не смог.

Это не реабилитирует его. Но это делает его чуть более понятным. И от этого — чуть более страшным.

Серов: Игорь Валентинович, последний вопрос на сегодня. Если бы вы могли вернуться в тот вечер — вы бы что-то сделали иначе?

[Пауза. Около семи секунд.]

014-А: Наверное, лучше бы убедился, что Люда не приедет в тот день.

[Тишина.]

Серов: Только это?

014-А: [думает. По-настоящему думает — не уходит от вопроса] Ещё... наверное, предупредил бы соседей, чтобы не беспокоились. Они шумные у нас. Мог быть лишний звонок в полицию раньше времени.

Серов: То есть — сделали бы то же самое, но аккуратнее.

014-А: [почти удивлённо] Ну да. А что не так?

Конец беседы. 16:35.

IV. Невербальный паттерн

Субъект физически расслаблен на всём протяжении беседы. Поза не менялась принципиально — лёгкий наклон вперёд, руки на столе или сложены перед собой. Это не напряжённая неподвижность человека, контролирующего себя. Это естественная расслабленность человека, которому не о чем беспокоиться в моторном смысле.

Зрительный контакт — умеренный, ровный. Не избегает взгляда, не удерживает его демонстративно. Смотрит, как смотрят на техническое задание: достаточно долго, чтобы понять, и переключается, когда понял.

Реакции на имена:

— «Семён Аркадьевич» — ноль реакции;

— «Людмила» — едва заметное замедление дыхания при первом упоминании, в дальнейшем — нет;

— имена детей не произносились — субъект закрыл тему до этого.

Единственный явный аффективный сигнал: при вопросе о детях и последующем молчании на двадцать две секунды — незначительное напряжение жевательных мышц, взгляд уходит вниз и остаётся там. Руки перестают двигаться. Это не диссоциация. Это — единственное место, где что-то внутри требует усилия.

На слово «жаль» — долгая пауза и искренняя, по всей видимости, попытка идентифицировать у себя это чувство. Безуспешная. Физически — ничего.

На вопрос «что вы чувствовали, когда взяли ключ» — три-четыре секунды внутреннего поиска, потом ответ: «сосредоточенность». Вероятно, это точное описание того, что было.

V. Линии лжи и защиты

Субъект практически не лжёт в классическом смысле. Это важно зафиксировать отдельно, потому что работа с ложью — это стандартный инструмент в таких беседах, и здесь он почти не нужен.

Он не преуменьшает. Не отрицает факты. Не строит альтернативных версий. Не ищет смягчающих обстоятельств в привычном смысле — не говорит «я был в состоянии аффекта», «я не понимал, что делаю», «что-то на меня нашло».

Его защитные механизмы работают иначе:

Инструментальная редукция. Жертвы последовательно переводятся в категорию «то, что мешало» или «то, что видело». Не люди с историей, с детьми, с жизнью — а элементы ситуации. Людмила стала «проблемой полного решения» не потому что он её ненавидел, а потому что попала в периметр задачи.

Логическое обрамление. Каждое действие объясняется через причинно-следственную цепочку, которая внутри своей системы безупречна: долг → напряжение → невозможность разрешения → устранение источника. Логика не нарушена нигде. Нарушена только исходная посылка: что люди — это не элементы уравнения.

Отсутствие морального регистра как защита. Это самое сложное для описания. Обычно защитные механизмы — это активные процессы: вытеснение, проекция, рационализация. Здесь — пассивное. Моральный регистр не вытесняется. Он просто не включается. Нет того, от чего защищаться.

Единственная зона, где защита активна: дети. Здесь субъект закрывается — не агрессивно, но твёрдо. «Это отдельно». Вероятно, это единственная область, где произошедшее не поддается инструментальной обработке. Где задача нарушает собственную логику.

VI. Контрперенос специалиста

Личные рабочие заметки. М.А. Серов. Не для включения в официальное заключение.

Первый час беседы я работал в стандартном режиме. Отслеживал речь, фиксировал паузы, строил следующий вопрос на основе предыдущего ответа. Всё шло как обычно.

Примерно на сорок пятой минуте — когда он сказал про Людмилу «неудобно получилось» — я заметил у себя нечто неожиданное: раздражение. Не профессиональное, не контролируемое. Обычное, тупое раздражение. Как бывает, когда человек говорит что-то настолько не то, что хочется его перебить.

Я не перебил. Записал слово и пошёл дальше.

Но раздражение осталось. И я потом разбирался, откуда оно.

Думаю, вот откуда: я привык к тому, что люди, совершившие подобное, что-то скрывают. Лгут, уклоняются, конструируют, защищаются. В этом есть своя логика — и с ней можно работать. Ложь предполагает знание правды. Защита предполагает то, от чего защищаются.

Здесь не было ни того, ни другого.

И это выбивало почву из-под ног привычнее, чем любая агрессия.

Около пятидесятой минуты я поймал себя на том, что задаю следующий вопрос в его системе координат — уточняя детали «ситуации», словно принял его фрейм. Вовремя остановился, переформулировал. Но это был знак.

На вопросе о детях — двадцать две секунды молчания — я почувствовал нечто, что не сразу опознал. Потом понял: облегчение. Я почувствовал облегчение от того, что где-то внутри у него есть трещина. Что дети пробивают его сознание туда, куда ничто другое не доходит.

Это облегчение было профессионально нечестным. Потому что трещина в его логике не возвращает Людмилу. Не возвращает жену. Не возвращает тестя.

Но я почувствовал его.

И ещё одно. В самом конце, когда он сказал «а что не так» на вопрос о том, что он переделал бы «аккуратнее», — у меня не было слов. Не потому что я растерялся. Потому что слова из моего обычного словаря не попадали в то место, куда нужно было попасть.

Мне захотелось сказать что-то простое. Не профессиональное.

Я не сказал.

Протокол закрыл в 16:35.

В 16:40 вышел на улицу. Постоял. Закурил — хотя бросил три года назад.

VII. Аналитическое резюме

Ведущий механизм: инструментальная редукция человека к элементу ситуации.

Это не психопатия в классическом, клинически строгом смысле — хотя поверхностно может восприниматься именно так. Классическая психопатия предполагает активную эксплуатацию других, манипулятивность, грандиозность, часто — удовольствие от нарушения правил. Ничего из этого здесь нет.

Здесь — другое. Назовём это функциональной аннигиляцией субъектности другого: состояние, при котором другой человек не вытесняется, не обесценивается, не ненавидится — просто не переживается как внутренне реальный. Он существует как элемент внешней среды. С элементами среды можно взаимодействовать, их можно устранять, если они мешают — без злости, без удовольствия, без конфликта.

Эмоциональная организация:

Аффект не диссоциирован — он просто беден. Это конституциональная особенность, а не результат защитного вытеснения. Он не «отключает» чувства перед тем, как действовать. Чувств, которые нужно было бы отключать, не было.

Единственное исключение — дети. Эта область не поддается инструментальной обработке. Здесь аффект есть, и субъект закрывает тему — единственный раз за всю беседу. Вероятная интерпретация: дети — это единственный объект привязанности, который был реальным для него в полном смысле. Всё остальное — жена, тесть, свояченица — существовало в иной категории.

Мотивация:

Не ненависть. Не месть. Не удовольствие. Не страх в аффективном смысле.

Мотивация — устранение помехи. Долг был помехой нормальному функционированию. Люди, связанные с долгом, стали периметром помехи. Устранение периметра — решение задачи.

Это не метафора и не художественный приём. Это буквальное описание его внутренней логики — той, которую он сам воспроизвёл в разговоре, не понимая, насколько она обнажает суть.

Отношение к жертвам:

Дифференцировано по степени «релевантности» для задачи:

тесть — источник проблемы;

жена — вероятный свидетель с предсказуемым поведением [«принципиальная»];

Людмила — «оказалась рядом».

Людмила, которую он знал двадцать лет, стала элементом ситуации не потому что он её ненавидел, а потому что она оказалась в периметре в момент, когда периметр был определён.

Отсутствие раскаяния:

Не защитное вытеснение. Отсутствие субстрата, на котором раскаяние могло бы вырасти. Раскаяние требует: переживание другого как реального → осознание, что ты причинил ему вред → аффективный отклик на это. Первый элемент цепочки отсутствует. Остальные не запускаются.

При этом — когнитивное понимание нормы сохранено. Он знает, что «должно быть жаль». Он искал это чувство. Не нашёл.

Это разрыв между знанием нормы и способностью её переживать — один из самых точных маркеров той формы аморальности, которая не является ни безумием, ни злым умыслом в привычном смысле.

Прогноз:

Субъект не опасен в ситуациях, где нет «помехи». Он не агрессивен структурно. Но его опасность не в агрессии — в логике. В том, что при наличии задачи и человека в периметре задачи — порог, который останавливает большинство людей, у него не активируется.

VIII. Философская маргиналия

Иммануил Кант сформулировал это в 1785 году — в «Основах метафизики нравственности». Второй формулой категорического императива: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству.

Эта формула стала фундаментом западной этики. На неё ссылаются в судах. Её преподают в университетах. Её цитируют в речах о правах человека.

И она предполагает нечто, что кажется самоочевидным, пока не встретишь человека, у которого этого нет: она предполагает, что другой человек переживается как внутренне реальный. Что за его лицом — не просто лицо, а что-то, что откликается на твоё действие. Что его боль — реальна, его жизнь — реальна, его будущее — реально.

Кант называл это достоинством — тем, что не имеет цены и не может быть обменяно ни на что.

Субъект 014-А не нарушил кантовский принцип.

Он его не имел.

Это принципиальное различие. Нарушение предполагает знание правила и отказ от него — в порыве, из корысти, из слабости. Это — человеческое. Это лечится, наказывается, осуждается, и весь аппарат морали настроен именно на это.

Но что происходит, когда правило не нарушено — а просто не присутствует? Когда другой человек с самого начала не занимает того места в сознании, где Кант предполагал его увидеть?

Тогда весь этот аппарат — суд, мораль, осуждение, раскаяние — работает вхолостую. Обращается к инстанции, которой нет.

Есть соблазн сказать, что субъект 014-А — исключение. Патология. Статистическая погрешность. Человек, у которого что-то сломано — и именно поэтому он сделал то, что сделал.

Это частично правда. Его эмоциональная организация — редкость.

Но редкость не в том, в чём кажется.

Редкость — в степени. Не в самом явлении.

Потому что способность переводить другого человека из субъекта в элемент ситуации — это не уникальный дефект. Это функция, которая в той или иной мере присутствует в каждом сознании. Мы делаем это с незнакомцами в пробке. С людьми, которых не видим, принимая решения. С теми, кто «не наши». С теми, кто мешает.

Обычно — в маленьких дозах. Обычно — останавливаемся. Обычно — что-то активируется раньше, чем дело заходит далеко.

У субъекта 014-А это «что-то» не активировалось.

Вопрос не в том, что именно сломалось у него.

Вопрос в том, что именно работает у нас — и почему мы так редко знаем, что именно.

Людмила Игоревна К., учитель математики, мать двоих детей, приехала к сестре на выходные.

Ей было тридцать восемь лет.

Это не деталь. Это человек.

Я пишу это здесь — не в официальном заключении, а в этих заметках — потому что в какой-то момент беседы заметил, что начал думать о ней как о «третьей жертве». Категория вместо лица.

Это произошло быстро. Почти незаметно.

Именно поэтому я и пишу это здесь.

Протокол № 014-А закрыт.

М.А. Серов

17.03.20—

Глава 2. Протокол № 022-В. «Пустота»

Протокол № 022-В

Дата: 04.04.20—

Время начала: 11:05

Время окончания: 13:10

Место: ФКУ СИЗО-1, корпус В, кабинет психологического сопровождения № 7

Основание: психологическая экспертиза в рамках предварительного следствия; определение степени осознанности действий и оценка мотивационной структуры личности; постановление следователя Громовой Е.С., постановление № 334/СО

Участники: эксперт-психолог Серов М.А.; субъект 022-В; сотрудник конвоя за стеклянной перегородкой

Запись: цифровой аудиофайл 022-В_1, 022-В_2; стенографическая расшифровка; рукописные пометки наблюдателя

Степень доступа: ограниченный, для служебного пользования

Примечание: первая беседа в рамках данной экспертизы. Предыдущие контакты субъекта со специалистами — два сеанса с дежурным психологом следственного изолятора, оба охарактеризованы как «практически безрезультатные».

Субъект формально контактен, на вопросы отвечает, однако содержательного материала предыдущие беседы не дали.

I. Статус субъекта

Субъект 022-В

Мужчина. 23 года. Уроженец Новосибирска. Неполное высшее образование — поступил на факультет информационных технологий, бросил после второго курса без объяснения причин. Нигде не работал официально, занимался разовыми подработками через интернет — верстал сайты, тестировал программное обеспечение, выполнял мелкие технические задания. Проживал один, снимал однокомнатную квартиру на окраине города. Родители живы, в разводе с 2009 года, контакт с ними субъект характеризует как «минимальный». Близких друзей, по данным следствия, не имел. Девушки не было. Социальная жизнь — практически отсутствовала; основное время проводил дома, в интернете.

Статья / статьи:

ч. 1 ст. 105 УК РФ — убийство.

Подтверждённые эпизоды:

Один. Жертва — мужчина, 54 года, случайный прохожий, не знакомый субъекту. Имя — Андрей Николаевич Волков. Пенсионер МВД, выходил вечером за хлебом.

Предполагаемые эпизоды:

В ходе следствия рассматривалась возможность других эпизодов — на основании найденных на компьютере субъекта материалов. Версия не подтверждена, производство прекращено за отсутствием доказательств.

Предварительная оценка структуры личности:

Выраженная социальная изоляция при сохранном интеллекте выше среднего. Аффективная жизнь глубоко обеднена — не в результате травмы или диссоциации, а конституционально. Признаки шизоидной акцентуации, не достигающей уровня расстройства. Межличностный

контакт формально доступен, содержательно — пуст. Эмпатия: клинически нефункциональна. Самооценка — ни заниженная, ни грандиозная: субъект производит впечатление человека, которому этот вопрос попросту неинтересен. Мотивационная структура — наиболее сложная для анализа из всех встреченных в моей практике.

Особые примечания:

Субъект не агрессивен, не манипулятивен, не театрален. Не избегает контакта — просто почти не нуждается в нём. Говорит ровно, без интонационных перепадов. Производит впечатление человека, который отвечает на вопросы не потому что хочет, а потому что вопросы задают и логично на них отвечать. Наиболее точная метафора: разговор с хорошо настроенной, но внутренне пустой системой.

II. Фабула дела

Вечером 14 января субъект 022-В вышел из своей квартиры около восьми часов. По данным видеонаблюдения, он шёл по улице около двадцати минут без видимой цели — не в магазин, не к остановке, просто шёл. На углу улицы Строителей и Парковой аллеи он остановился. Там же остановился Андрей Николаевич Волков — пенсионер, выходявший за хлебом в соседний магазин. Их остановки совпали по времени случайно: Волков ждал зелёного сигнала светофора.

Субъект ударил его сзади — тупым предметом, гаечным ключом, который принёс с собой из дома. Удар был один, но достаточной силы. Волков упал. Субъект постоял рядом около сорока секунд — это зафиксировала камера — и ушёл. Не побежал. Ушёл обычным шагом, в ту же сторону, откуда пришёл.

Волков скончался в больнице через два часа, не приходя в сознание.

Субъект был задержан на следующий день в своей квартире. Дверь открыл сам, на вопрос оперативника «вы знаете, зачем мы пришли» ответил: «Наверное, из-за вчерашнего». Сопротивления не оказал.

На первом допросе на вопрос о мотиве сказал: «Хотел посмотреть, как это».

Следователь переспросил: «Как — что?»

Субъект ответил: «Как это — убить».

Больше он на этой теме не распространялся.

Гаечный ключ лежал дома, на кухонном столе. Он не пытался его спрятать.

III. Транскрипция беседы

Начало записи. 11:09.

Субъект вошёл и сел так, как садятся в приёмной: аккуратно, не занимая лишнего пространства, не касаясь спинки стула. Не осматривал комнату. Посмотрел на меня — коротко, без интереса, как смотрят на элемент интерьера, который нужно зафиксировать, чтобы не спотыкаться. Потом посмотрел в окно. За окном была стена.

Я представился. Объяснил цель беседы. Он кивнул.

Серов: Антон, как вы себя чувствуете?

022-В: Нормально.

Серов: Спите хорошо?

022-В: Да.

Серов: Как вам здесь — в целом?

022-В: [пауза около трёх секунд] Тихо.

Серов: Тихо — это хорошо?

022-В: Да.

Серов: Вы привыкли к тишине?

022-В: Да.

Серов: Дома тоже было тихо?

022-В: В основном.

Серов: Музыку слушали? Телевизор?

022-В: Иногда. Не часто.

Серов: Что слушали?

022-В: [пауза] Разное. В зависимости от... [пауза] Не знаю. Просто разное.

Уже в первые пять минут стало понятно: молчание здесь — не сопротивление. Не защита. Просто — его естественный ритм. Он не тянет время, не подбирает слова, не уклоняется. Слова у него просто заканчиваются раньше, чем у большинства людей. Как будто внутреннее пространство, из которого обычно берётся речь, — меньше стандартного.

Серов: Антон, я прочитал материалы вашего дела. И хочу поговорить с вами — не как следователь, не о юридических деталях. Мне интересно понять вас как человека. Вы не против?

022-В: Нет.

Серов: Тогда расскажите мне про тот вечер. Четырнадцатого января. Не то, что вы уже рассказывали следствию — а как вы его помните сами. С начала.

022-В: [пауза около пяти секунд] С какого начала?

Серов: С того момента, когда вы решили выйти.

022-В: Я просто вышел.

Серов: Что значит «просто»? Что предшествовало?

022-В: [думает] Я сидел дома. Работал немного. Потом... не работал. Смотрел в экран. Потом решил выйти.

Серов: Почему решили выйти?

022-В: Не знаю. Просто захотел пройтись.

Серов: Часто так бывало — выходили вечером?

022-В: Иногда.

Серов: И обычно что делали на прогулке?

022-В: Ходил. Смотрел.

Серов: На что смотрели?

022-В: [пауза] На всё. Ни на что конкретное. Просто — смотрел.

Серов: В тот вечер вы взяли с собой ключ.

022-В: Да.

Серов: Когда взяли?

022-В: Перед выходом.

Серов: Зачем?

022-В: [очень короткая пауза — почти незаметная] Потому что решил.

Серов: Решили сделать это в тот вечер?

022-В: Да.

Серов: Это было спонтанно — или вы думали об этом раньше?

022-В: [долгая пауза. Около восьми секунд] Думал.

Серов: Давно?

022-В: Примерно... [пауза] Месяца три.

Серов: Три месяца думали об этом?

022-В: Ну — не постоянно. Периодически.

Серов: О чём именно вы думали?

022-В: [пауза] О том, как это — сделать.

Серов: Как технически — или как это будет ощущаться?

022-В: [думает] И то, и другое, наверное.

Серов: Что вас интересовало больше?

022-В: [очень долгая пауза. Около двенадцати секунд. Смотрит в сторону] Второе.

Серов: Как это будет ощущаться.

022-В: Да.

Серов: Расскажите подробнее — что именно вы хотели понять?

022-В: [пауза] Ну... я не знал, что это такое. Убить. Что при этом чувствуешь. Это было... [пауза] Непонятно.

Серов: Непонятно — и вы хотели понять.

022-В: Да.

Серов: Как исследователь — хотел понять явление?

022-В: [кажется, обдумывает эту формулировку] Наверное. Что-то вроде того.

Здесь я остановился внутренне. «Что-то вроде того» — он почти согласился с формулировкой «исследователь». Это не было самооправданием. Это было — насколько я мог судить — действительно точным описанием его позиции. Он шёл убить человека так, как другой человек идёт ставить эксперимент: из интереса к результату, без личного отношения к материалу.

Слово «материал» я записал и остановился. Я снова думал их языком.

Серов: Антон, вы знали того человека? Волкова?

022-В: Нет.

Серов: Видели его раньше?

022-В: Нет.

Серов: Почему именно он?

022-В: [пауза] Оказался рядом.

Серов: Просто оказался рядом.

022-В: Да.

Серов: То есть — мог быть кто угодно?

022-В: [небольшая пауза] Да.

Серов: Вам это не кажется... [пауза] важным?

022-В: [смотрит на меня с лёгким, искренним, почти детским недоумением] В каком смысле?

Серов: В смысле того, что погиб конкретный человек. Не «кто угодно» — а Андрей Николаевич Волков. Пятьдесят четыре года, бывший офицер, выходил за хлебом.

022-В: [пауза около десяти секунд. Смотрит в сторону] Я понимаю, что это конкретный человек.

Серов: И?

022-В: [тихо] И ничего.

Серов: «Ничего» — это...?

022-В: Я понимаю это. Но я это... [очень долгая пауза, около пятнадцати секунд] не чувствую так, как вы имеете в виду.

Серов: Как я имею в виду?

022-В: Ну... что это важно. Что это... [ищет слово] меняет что-то.

Серов: Для вас это не меняет ничего?

022-В: [очень тихо] Не знаю.

Снова — «не знаю». Не как уклонение. Как честный ответ человека, который заглянул внутрь и не нашёл там того, что ожидалось.

Меня начало охватывать нечто, что я идентифицировал только позже. Не страх. Не отвращение. Что-то вроде физиологического дискомфорта — как бывает в очень большой тишине, когда начинаешь слышать собственный пульс и это неприятно.

Серов: Антон, я хочу понять кое-что. Вы сказали — думали об этом три месяца. За эти три месяца — вы думали о том, что будет с тем человеком, с которым вы такое сделаете?

022-В: [пауза] В смысле — что с ним будет?

Серов: Ну — что он умрёт. Что у него, возможно, есть семья. Что кто-то будет ждать его дома.

022-В: [думает. По-настоящему думает — не отмахивается] Я думал о том, что он умрёт.
[пауза] О семье — нет. Не думал.

Серов: Почему?

022-В: [долгая пауза] Это... не входило в то, о чём я думал.

Серов: Объясните — как это?

022-В: [ищет слова, явно прилагает усилие] Ну... я думал о том, что произойдёт. О самом... действии. И о том, что я почувствую. А... остальное [пауза] не входило в это.

Серов: «Остальное» — это другой человек.

022-В: [пауза] Да.

Серов: Он не входил в то, о чём вы думали.

022-В: [очень тихо] Нет.

Я записал это дословно и подчеркнул.

Не «я не думал о нём, потому что это было неприятно». Не «я вытеснял мысли о нём». Он просто — не входил. Как не входит в расчёт вес тумбочки, когда думаешь о маршруте поездки. Не потому что это неважно. Просто это другая система.

Серов: Антон, в тот момент, когда это произошло — что вы почувствовали?

022-В: [долгая пауза. Около десяти секунд] Ничего особенного.

Серов: Совсем?

022-В: Ну... [думает] Немного странно было.

Серов: Странно — это как?

022-В: Ну... что это так просто. Что всё так быстро.

Серов: Вы ожидали, что будет иначе?

022-В: [пауза] Наверное. Я думал, что будет... [ищет слово]... ярче.

Серов: Ярче.

022-В: Ну, не знаю как сказать. Что-то изменится. Что будет что-то... важное. [пауза] А было просто — удар, он упал, и всё.

Серов: И вы постояли рядом.

022-В: Да.

Серов: Сорок секунд.

022-В: Не считал. Может быть.

Серов: Что вы делали эти сорок секунд?

022-В: [пауза] Смотрел.

Серов: На что?

022-В: На него.

Серов: Что вы думали, пока смотрели?

022-В: [очень долгая пауза. Около восемнадцати секунд. Смотрит в сторону, потом снова на меня] Ничего, наверное. Просто смотрел.

Серов: Вам не хотелось помочь ему?

022-В: [пауза] Нет.

Серов: Совсем не было такого импульса?

022-В: [думает] Нет. Не было.

Серов: Страшно не было?

022-В: Нет.

Серов: Ни капли?

022-В: [искренне, без бравады] Нет. Я не понимаю — чего бояться.

Серов: Последствий. Что придут, задержат.

022-В: Ну, я понимал, что придут. [пауза] Но это... не то же самое, что бояться.

Серов: Вы были готовы к последствиям.

022-В: Да.

Серов: И вас это не останавливало.

022-В: [пауза] Нет.

Он сказал это без гордости. Без бравады. Без философствования о своей исключительности. Просто — констатация. Последствия существуют. Они не являются причиной не делать того, что делаешь. Это не мужество. Это — отсутствие того страха, который у большинства людей работает как тормоз.

Тормоза не было. Не отказал — его не было.

Серов: Антон, я хочу вас спросить о чём-то другом. Вы жили один.

022-В: Да.

Серов: Давно?

022-В: Три года.

Серов: До этого — с родителями?

022-В: С матерью. Отец ушёл давно.

Серов: Вы с ним общаетесь?

022-В: Изредка. На праздники иногда пишет.

Серов: Вы отвечаете?

022-В: [пауза] Обычно да. Из вежливости.

Серов: «Из вежливости» — не потому что хочется?

022-В: Ну... [пауза] Не особенно хочется. Но это нормально — отвечать.

Серов: С матерью как?

022-В: Лучше. Звонит иногда. Я отвечаю.

Серов: Вы скучаете по ней?

022-В: [долгая пауза. Около восьми секунд] Наверное, нет. Не знаю.

Серов: У вас были друзья?

022-В: В школе были. Потом... [пауза] разошлись.

Серов: Почему?

022-В: [пожимает плечами — первый раз за беседу] Ну... не очень было что делать вместе.

После школы.

Серов: Вы скучали по ним?

022-В: [думает] Нет. Не особенно.

Серов: Вам не бывает одиноко?

022-В: [долгая пауза. Около десяти секунд. Кажется, вопрос его удивил — не обидел, именно удивил] Ну... [пауза] Я не знаю, что такое одиноко. [пауза] Это когда хочется, чтобы кто-то был — а его нет?

Серов: Примерно.

022-В: [тихо] Тогда — нет. Не бывает.

Здесь — очень важный момент. Он не сказал «я привык быть один». Не сказал «мне хорошо одному». Он сказал: «я не знаю, что такое одиноко» — и уточнил определение, как человек, которому встретилось незнакомое слово. Одиночество как переживание было ему не знакомо не потому что он его преодолел или вытеснил. Просто — не было такого переживания. Нет потребности в другом — нет и боли от его отсутствия.

Серов: Антон, вы чем-то увлекались? Интересы, хобби.

022-В: [пауза] Программирование. Немного. Не на профессиональном уровне, просто — интересно было разбираться.

Серов: Что именно интересно?

022-В: Логика. Как всё устроено. Что из чего следует.

Серов: Это нравилось.

022-В: Да.

Серов: Что ещё?

022-В: [думает] Читал иногда. Научпоп, в основном. Физика, биология.

Серов: Художественную литературу?

022-В: Мало. Не очень интересно.

Серов: Почему?

022-В: [пауза] Там про людей в основном. Про отношения. [пауза] Это менее интересно, чем... как устроено что-то реальное.

Серов: Люди — менее интересны, чем реальные вещи.

022-В: [замечает коннотацию [дополнительное, эмоционально-оценочное значение слова], смотрит на меня] Ну, я не это имел в виду.

Серов: А что имели в виду?

022-В: [пауза] Что художественные книги — это выдуманное. А физика — это настоящее.

Серов: Физика людей вам интереснее, чем их истории.

022-В: [думает] Наверное, да.

Это не было попыткой уйти от ответственности через интеллектуализацию. Это была просто — его иерархия интересов. Механизмы интереснее нарративов. Устройство интереснее переживания. Это не патология сама по себе. Это — в сочетании с остальным — очень точный портрет.

Серов: Антон, я хочу вернуться к тому вечеру. Вы сказали — ожидали, что будет ярче. Что изменится что-то. Не изменилось?

022-В: [пауза] Нет.

Серов: Вы разочарованы?

022-В: [думает. Долго] Ну... наверное. Немного.

Серов: В чём разочарованы?

022-В: В том, что это... [долгая пауза, около пятнадцати секунд] не ответило. На вопрос.

Серов: На какой вопрос?

022-В: На тот, который был. Что это такое — убить. Как это.

Серов: И что?

022-В: [тихо] Так и не понял.

Серов: Что именно не поняли?

022-В: [смотрит в сторону] Что должен был почувствовать. [пауза] Ничего не почувствовал, по сути. Немного странно — и всё.

Серов: Антон, вы сейчас говорите о Волкове — о его смерти — как о эксперименте, который не дал нужного результата.

022-В: [пауза. Смотрит на меня] Я понимаю, что это звучит...

Серов: Как?

022-В: [ищет слово] Неправильно.

Серов: Неправильно — потому что это неправильно, или потому что вы понимаете, что так говорить не принято?

022-В: [долгая пауза. Около двенадцати секунд. Это лучший вопрос беседы, и он это чувствует] [тихо] Второе. Наверное, второе.

Это был единственный по-настоящему честный момент беседы — честный не в смысле откровенности, а в смысле точности. Он не знает, что неправильно на уровне переживания. Он знает, что так говорить не принято. Это разные вещи, и он сам это различил.

Я почувствовал нечто, что потом назвал бы «холодным восхищением» — и немедленно остановился. Это была опасная реакция. Его точность в самоанализе — не добродетель. Это — симптом.

Серов: Антон, я хочу спросить вас напрямую. Вы жалеете о том, что сделали?

022-В: [очень долгая пауза. Около двадцати секунд. Смотрит в пол, потом в окно, потом на меня] Не знаю.

Серов: Попробуйте найти ответ.

022-В: [ещё пауза] Я понимаю, что он умер. Что это плохо. [пауза] Но жалею ли я... [пауза] Это другой вопрос.

Серов: Это другой вопрос?

022-В: Ну... жалеть — это значит хотеть, чтобы было иначе?

Серов: В том числе.

022-В: [тихо] Я не очень хочу, чтобы было иначе. И не очень хочу, чтобы было так же. [пауза] Это просто — было. И теперь есть последствия. Я к ним готов.

Серов: Волков умер. Для него последствий больше нет — в обычном смысле. Для его семьи — есть.

022-В: [пауза] Да.

Серов: У него была жена. Двое детей. Внучка — три года.

022-В: [пауза около восьми секунд. Смотрит в сторону. Потом обратно] Я не знал.

Серов: Теперь знаете.

022-В: [долгое молчание] Да.

Серов: Что вы сейчас чувствуете?

022-В: [очень долгая пауза. Около двадцати пяти секунд. Первый раз за всю беседу что-то похожее на внутреннее усилие — не физическое, а направленное внутрь] [очень тихо] Ничего. [пауза]

022-В: Я пытаюсь. Но ничего.

Это был конец беседы по существу. Мы ещё говорили — о его планах, о том, понимает ли он, что произойдёт дальше юридически, о его отношении к нахождению в изоляторе. Он отвечал ровно, без колебаний.

Но главное было сказано здесь. В этом «ничего». И в том, что за ним последовало: «я пытаюсь».

Потому что это означало: он понимает, что должно быть что-то. Он ищет. И не находит. И он не лжёт — ни мне, ни себе.

Это было, пожалуй, страшнее, чем если бы он нашёл и скрыл.

Конец записи. 13:10.

IV. Невербальный паттерн

Субъект физически почти неподвижен на протяжении всей беседы. Не нервничает, не ёрзает, не меняет позу. Сидит ровно, руки лежат на коленях или на столе. Это не контролируемая неподвижность — не та, которая выдаёт усилие удержания. Просто — нет импульса двигаться.

Зрительный контакт — непостоянный, но не избегающий. Смотрит на меня, когда слушает. Смотрит в сторону или вниз — когда думает. Никогда не смотрит агрессивно, провокационно или с попыткой «прочитать» собеседника. Взгляд — нейтральный. Примерно такой, каким смотрят в окно электрички: видят, но не цепляются.

Интонация практически плоская на протяжении всей беседы. Не монотонная в искусственном смысле — просто диапазон узкий. Как у человека, у которого слова несут информацию, но не аффект.

Реакции на ключевые слова:

— «Волков» — ноль реакции при первом упоминании; слабая задержка взгляда при упоминании имени в контексте семьи;

— «семья», «внучка» — восемь секунд молчания. Это единственный момент, когда пауза была вызвана не поиском слов, а чем-то другим. Чем именно — неясно;

— «одинок» — искреннее удивление. Не обида, не защита — именно удивление. Как будто встретил незнакомый термин;

— «жалее» — самая долгая пауза беседы. Двадцать секунд внутренней работы — и «не знаю».

Единственный выраженный невербальный сигнал — на слова «я пытаюсь, но ничего»: очень лёгкое, едва заметное движение мышц вокруг рта. Не гримаса, не усмешка. Что-то похожее на то, что бывает, когда человек не может открыть плотно закрытую дверь и на секунду это регистрирует.

V. Линии лжи и защиты

Субъект 022-В — один из немногих в моей практике, с кем стандартный анализ лжи и защитных механизмов почти неприменим. Не потому что он честен в обычном смысле, а потому что защищаться ему практически не от чего.

Защитные механизмы предполагают: есть что-то болезненное, тревожное, неприемлемое — и психика выстраивает барьер. Вытеснение, проекция, рационализация — всё это работает с аффектом, который нужно регулировать.

Аффекта, требующего регуляции, здесь почти нет.

Что есть:

Интеллектуализация как базовый способ обработки опыта. Он думает о произошедшем как о явлении, которое нужно понять, а не пережить. Это не защита от переживания — это просто его способ работы с информацией. Явление интересно устройством, а не содержанием.

Когнитивное разделение «понимаю» и «чувствую». Он чётко различает эти два регистра и честен в том, что второй у него не работает так, как у большинства. Это не вытеснение. Это — осознанное наблюдение за собственным дефицитом.

Отсутствие нарратива самооправдания. Он не создаёт историю, в которой он жертва, герой или исключение. Он вообще не создаёт историй о себе. Это тоже нетипично — большинство людей в его положении активно конструируют смягчающий контекст. Он — нет. Не из честности как добродетели. Просто — нет потребности.

VI. Контрперенос специалиста

Личные рабочие заметки. М.А. Серов. Не для включения в официальное заключение.

Это была вторая беседа в рамках данного цикла экспертиз. После первой — с субъектом 014-А — я ожидал чего угодно: агрессии, манипуляции, театральности, примитивной лжи. Я не ожидал снова встретить тишину.

Но это была другая тишина.

У 014-А тишина была функциональной — он говорил ровно столько, сколько нужно для описания задачи, и замолкал, когда задача была описана. За его тишиной стояла завершённость.

За тишиной 022-В стояло что-то иное. Пустое пространство — не враждебное, не защищённое. Просто пустое. Как комната, из которой убрали мебель, и звук в ней теперь не отражается так, как должен.

Первые сорок минут я работал нормально. Задавал вопросы, фиксировал ответы, строил следующий шаг. Стандартная клиническая процедура.

Потом что-то начало меняться.

Примерно на пятидесятой минуте я поймал себя на том, что начал говорить тише. Не намеренно — просто начал. Как будто нормальный голос в этом пространстве был избыточен. Как будто я подстраивался под его ритм.

Это был первый знак.

Второй — когда он сказал «не входил в то, о чём я думал» применительно к Волкову как человеку, я не почувствовал того, что обычно чувствую в таких местах. Не возмущения, не профессиональной холодности как противовеса — ничего особенного. Я просто записал. И пошёл дальше.

Это меня насторожило потом — уже не во время беседы. В момент беседы я не заметил.

На вопросе «вы жалеете» — когда он молчал двадцать секунд, а потом сказал «не знаю» — я должен был почувствовать что-то по отношению к Волкову. К его внучке, которой три года. К жене, которая его ждала.

Я думал об этом — как о факте. Не как о переживании.

Я записал в блокноте после беседы: «Проверить — не начал ли перенимать его способ обработки материала».

Слово «материал» я употребил применительно к Волкову.

Потом зачеркнул. Написал: «человека».

Но слово «материал» пришло первым.

Именно это меня беспокоит больше всего после этой беседы. Не он. Я.

Самая тяжёлая беседа из двух проведённых — и не из-за того, что он сделал. Из-за того, как легко тишина становится заразной.

VII. Аналитическое резюме

Ведущий механизм: аффективный ноль — радикальная недостаточность внутренней репрезентации другого как переживающего субъекта.

Это принципиально важно отделить от нескольких клинически похожих, но принципиально иных состояний:

Не диссоциация. Диссоциация — это отщепление от аффекта, который в норме был бы доступен. Здесь аффект не отщеплён — его нет как структуры. Он не вытеснен за барьер — его нет в репертуаре.

Не психопатия в классическом смысле Хэра. Психопатический профиль предполагает: грандиозность, манипулятивность, отсутствие раскаяния при сохранной поверхностной обаятельности, паразитирование, склонность к доминированию. Ничего из этого здесь нет. Субъект не пытается произвести впечатление, не манипулирует, не использует окружающих в инструментальных целях. Он просто не нуждается в них — ни как в инструментах, ни как в субъектах.

Не депрессия с анергией. Депрессия — это страдание, пусть и не всегда выраженное. Здесь страдания нет. Нет и его отсутствия как потери. Он не производит впечатление человека, который что-то утратил. Он производит впечатление человека, у которого изначально не было того, что большинство людей считают само собой разумеющимся.

Клиническая картина, наиболее близкая к данному случаю:

Шизоидная организация личности с выраженным аффективным уплощением и глубоким дефицитом в сфере интерсубъективности — способности переживать другого как отдельный внутренний мир, существование которого реально и значимо.

Интерсубъективность — это не эмпатия в узком смысле. Это более фундаментальная способность: переживать, что за другим лицом есть внутреннее содержание. Что другой — не объект внешней среды, а субъект, у которого есть своя внутренняя реальность.

У субъекта 022-В эта способность, по всей видимости, никогда не была сформирована в достаточной мере. Не разрушена — не сформирована.

Мотивация:

Это самое сложное для описания.

Он убил не из ненависти. Не из страха. Не из желания власти. Не из идеологии. Не из садизма.

Он убил из любопытства. Из желания получить опыт, который был для него теоретически существующим, но субъективно недоступным.

Это не любопытство в обычном смысле — когда человек хочет узнать что-то, понимая, что это «что-то» связано с другим человеком. Это любопытство в отношении явления — как хотят понять природное явление. Гром, молния, падение предмета. Явление существует. Он хотел наблюдать его изнутри.

То, что явление требовало смерти другого человека, — не было для него барьером не потому что он это отверг. Этот барьер просто не возник. Нет репрезентации другого — нет барьера, основанного на ней.

Разочарование в результате:

Особенно значимо. Он ожидал, что получит опыт. Опыта не получил — или получил ничтожно мало. Это означает: даже в момент действия другой человек не стал для него более реальным. Убийство не «включило» в нём ничего, что было бы связано с Волковым как субъектом. Оно осталось на уровне наблюдения внешнего события.

Это, пожалуй, самый точный диагноз: Волков умер — и остался внешним событием. Не вошёл как чувство в голову.

Прогноз и риски:

Субъект не является агрессивным в структурном смысле. Он не испытывает влечения к насилию как к удовольствию. Но именно это делает прогноз труднее, а не легче.

Традиционные инструменты риск-оценки предполагают: есть влечение, есть триггер, есть контроль, и работа идёт с каждым из этих элементов. Здесь влечение нетипично: оно не связано ни с агрессией, ни с сексуальностью, ни с властью. Оно связано с любопытством — которое в принципе неисчерпаемо и плохо поддаётся коррекции.

VIII. Философская маргиналия

Ханна Арендт писала о «банальности зла» — наблюдая за Адольфом Эйхманом на иерусалимском процессе в 1961 году. Она ожидала увидеть монстра. Она увидела чиновника — человека без особых качеств, который просто выполнял функцию, не задаваясь вопросом о содержании этой функции.

Её открытие было неудобным: зло может быть не страстным, а пустым. Не идейным, а процедурным. Не личным, а административным.

Субъект 022-В — это другое. Арендтовская банальность предполагала наличие социальной среды, системы, давления — механизма, который позволял человеку не думать. Эйхман не думал, потому что система думала за него.

022-В думал. Он думал три месяца. Он провёл то, что сам назвал исследованием. Он действовал осознанно, самостоятельно, без принуждения, без системы, без идеологии.

И всё равно — другой человек не стал для него реальным.

Это другой уровень проблемы. Не банальность зла — пустота зла.

Французский философ Эммануэль Левинас посвятил значительную часть своего труда одному вопросу: что делает другого человека — другим? Не объектом, не инструментом, не элементом среды, а именно другим, то есть субъектом, присутствие которого предъявляет мне требование.

Его ответ был: лицо. Не лицо как физиологический факт — глаза, нос, рот. Лицо как феномен: то, в чём другой открывается мне как уязвимый, как требующий ответа, как тот, кому я могу причинить вред и кто именно этим фактом уязвимости говорит мне: «не убий».

Это не метафора. Для Левинаса это — онтология. Другой существует для меня прежде всего как лицо, и лицо — это первый этический факт. До всякой нормы, до всякого закона, до всякого рассуждения.

Субъект 022-В прошёл мимо Волкова. Видел его лицо — физически. Ударил сзади — возможно, именно потому что спереди было лицо, и даже его ослабленный аппарат мог что-то почувствовать.

Потом постоял рядом. Сорок секунд. Смотрел.

И ушёл.

Лицо не стало для него тем, чем должно было стать по Левинасу. Не предъявило требования. Не сказало «не убий» — или сказало, но на языке, которого он не слышит.

Есть соблазн объяснить его патологией и на этом остановиться. Сказать: это редкий дефект, исключение, статистика.

Но есть другой вопрос, более неудобный.

Если интерсубъективность — способность переживать другого как внутренне реального — это не данность, а развивающаяся способность, то каковы условия её развития?

Исследования привязанности — Боулби, Эйнсворт, их последователи — показывают: ребёнок учится воспринимать другого как реального через опыт того, что другой воспринимает его самого как реального. Мать, которая отражает, — это зеркало, в котором ребёнок впервые видит себя как существо с внутренним состоянием. И через это — начинает видеть, что у матери тоже есть внутреннее состояние.

Если этого зеркала нет — или оно искажено, пусто, непоследовательно — ребёнок вырастает без этой базовой уверенности. Не только в себе. В другом.

Субъект 022-В рос с матерью, которая «звонит иногда». С отцом, который «пишет на праздники из вежливости». В комнате, где было «тихо».

Это не объяснение. Это — контекст.

Объяснение не снимает ответственности. Но контекст задаёт вопрос: где и когда это начинается? Не в момент преступления. Раньше. Значительно раньше.

Андрей Николаевич Волков вышел за хлебом.

Это была обычная январская вечерняя прогулка — те несколько минут, которые человек проводит между домом и магазином, думая, наверное, о чём-то простом. О ужине, о телевизоре, о том, что нужно позвонить дочери.

Он не знал, что кто-то три месяца думал о нём — не о нём конкретно, а о явлении, для которого он случайно стал материалом.

Внучке три года.

Я пишу это здесь по той же причине, по которой написал про Людмилу в предыдущем протоколе. Потому что беседы устроены так, что постепенно начинаешь думать категориями. Механизмами. Структурами.

А они — люди.

Это нужно записывать. Чтобы не забывать.

Протокол № 022-В закрыт.

М.А. Серов

04.04.20—

Глава 3. Протокол № 031-Л. «Должник»

Протокол № 031-Л

Дата: 29.04.20—

Время начала: 10:15

Время окончания: 12:50

Место: ФКУ ИК-6, кабинет психологической службы № 2, корпус административный

Основание: психологическая экспертиза в рамках апелляционного производства; оценка мотивационной структуры и степени осознанности действий; запрос адвоката Петровой И.В. в интересах осуждённого, согласованный со следствием; постановление № 512/АП

Участники: эксперт-психолог Серов М.А.; субъект 031-Л; сотрудник учреждения за стеклянной перегородкой

Запись: цифровой аудиофайл 031-Л_1, 031-Л_2, 031-Л_3; стенографическая расшифровка; рукописные пометки наблюдателя

Степень доступа: ограниченный, для служебного пользования

Примечание: субъект отбывает наказание девятым месяцем. Осуждён. Апелляция подана по инициативе защиты на основании предполагаемого смягчающего обстоятельства — аффективного состояния в момент совершения преступления.

Предыдущие экспертизы аффект не подтвердили.

Настоящая беседа — попытка получить более полную психологическую картину.

I. Статус субъекта

Субъект 031-Л

Мужчина. 51 год. Уроженец Воронежа. Высшее техническое образование — инженер-строитель. Работал по специальности около двенадцати лет, затем — ряд попыток открыть собственное дело: строительная бригада, потом небольшая фирма по отделочным работам, потом — снова наёмный труд, прорабом на объектах. Последние три года до преступления — фактически без стабильного дохода: разовые подряды, перебои, долги. Женат, двое детей — сын двадцати трёх лет, дочь восемнадцати. Жена работала бухгалтером, фактически содержала семью последние два года. По показаниям жены и детей — в семье напряжение нарастало, но до открытых конфликтов доходило редко: субъект «держался», «не показывал», «говорил, что всё решится».

Статья / статьи:

ч. 1 ст. 105 УК РФ — убийство. Срок — двенадцать лет, общий режим.

Подтверждённые эпизоды:

Один. Жертва — Константин Дмитриевич Лавров, 58 лет, предприниматель, давний знакомый субъекта. Характер отношений: деловые, переросшие в приятельские около десяти лет назад. Лавров неоднократно помогал субъекту финансово — в том числе выдал беспроцентный заём в размере трёхсот восьмидесяти тысяч рублей за два года до преступления.

Предполагаемые эпизоды:

Отсутствуют.

Предварительная оценка структуры личности:

Нарциссическая организация с выраженной уязвимостью к переживанию стыда и несостоятельности. Самооценка нестабильная, зависящая от внешних маркеров успеха и призна-

ния. Защитный фасад компетентности и контроля — при внутренней хрупкости. Склонность к идеализации и последующему обесцениванию значимых фигур. Агрессия — не структурная черта, а реактивная: возникает в ответ на нарциссическую травму. Раскаяние — присутствует, но его природа требует уточнения: это раскаяние о поступке или о последствиях для себя?

Особые примечания:

Субъект охотно идёт на контакт. Говорит много, развёрнуто, с эмоциями. Это само по себе требует осторожности: многословие может быть подлинным переживанием — а может быть формой контроля над беседой, способом заполнить пространство так, чтобы не дать добраться до чего-то более глубокого и болезненного. Необходимо отделить декларируемое раскаяние от структурного — проверить, есть ли за словами переживание другого как реального.

II. Фабула дела

Вечером 17 июля субъект 031-Л встретился с Константином Лавровым в кафе — по инициативе самого субъекта, формально «поговорить о делах». По данным записей с камер и показаниям персонала, встреча продолжалась около двух часов. Выпили. Поначалу разговор шёл нормально. Потом — судя по видеозаписи без звука — голоса повысились. Лавров что-то говорил, субъект — слушал, потом отвечал. Потом снова слушал.

Около одиннадцати вечера они вышли вместе. Прошли около ста метров до переулка за кафе. По версии следствия, субъект предложил «пройтись, подышать» — Лавров согласился. В переулке субъект нанёс несколько ударов — руками, потом подобранным с земли металлическим прутом. Лавров скончался на месте.

Субъект не убежал. Сел на бордюр рядом. Сидел около двадцати минут, пока не пришёл случайный прохожий. Прохожий вызвал скорую и полицию. Субъект не мешал, не нападал, сидел и — по показаниям прохожего — «смотрел в одну точку».

На первом допросе субъект сказал следователю: «Я не хотел этого. Но он не должен был так говорить».

На вопрос «как говорить» — замолчал на несколько минут. Потом произнёс: «Как будто я ничего не стою».

Именно эта фраза стала для меня отправной точкой всей беседы.

III. Транскрипция беседы

Начало записи. 10:18.

Субъект вошёл быстро — не нервно, а энергично, как человек, привыкший входить первым и занимать пространство. Огляделся, кивнул мне. Пожал руку — крепко, с коротким взглядом в глаза. Сел, не дожидаясь приглашения. Положил руки на стол, сцепил пальцы. Это была поза человека, готового к разговору — почти к переговорам.

Серов: Валерий Степанович, спасибо, что согласились на эту беседу.

031-Л: Ну а что не согласиться. [пауза] Адвокат говорит — надо. Значит, надо.

Серов: Вы доверяете адвокату?

031-Л: Доверяю. Нормальная женщина. Работает. [пауза] Правда, я уже не очень понимаю, зачем всё это. Двенадцать лет — это двенадцать лет.

Серов: Апелляция — это шанс на пересмотр.

031-Л: [усмехается — не весело, а как-то устало] Я понимаю, что такое апелляция. Я уже девять месяцев понимаю много чего. [пауза] Ладно. Спрашивайте.

Серов: Валерий Степанович, я прочитал все материалы. Но я хочу услышать от вас — не для протокола следствия, а для себя. Как вы сами понимаете то, что произошло?

031-Л: [долгая пауза. Около восьми секунд. Смотрит на сцепленные руки] Как понимаю. [пауза] Я понимаю так, что сломался. Что не выдержал. [пауза] Что это было неправильно. Что я не должен был — вот так.

Серов: «Вот так» — это как?

031-Л: Ну... убить его. [произносит это слово с усилием, как будто оно тяжёлое] Не должен был убивать. [пауза] Я вообще не думал, что способен на такое.

Серов: Не думали о себе — что способны.

031-Л: Нет. Я не... [пауза] Я не агрессивный человек. Никогда не был. Спросите жену, детей. Я в семье голоса никогда не повышал. Почти никогда.

Серов: «Почти» — бывало?

031-Л: [быстро] Ну, бывало. Редко. Это же нормально — иногда. Но не... не так. Не до такого.

Серов: Понятно. Валерий Степанович, расскажите мне про Лаврова. Не про тот вечер — пока. Про него как человека. Вы давно его знали?

031-Л: Лет десять, наверное. Может, чуть больше. Познакомились через общих знакомых — он тогда уже дело вёл, я только начинал свою фирму. [пауза] Нормальный был мужик. [пауза, интонация чуть меняется] В общем-то.

Серов: «В общем-то» — оговорка?

031-Л: [смотрит на меня] Нет, ну — нормальный. Просто... [пауза] Сложный немного. Был.

Серов: Чем сложный?

031-Л: [думает. Подбирает слова тщательнее, чем до этого] Ну, он любил... напоминать. О том, что сделал. Понимаете? Вот поможет человеку — и потом, при случае, обязательно напомнит. Не грубо. Вскользь. Но — напомнит.

Серов: И вам напоминал.

031-Л: [пауза] Да. Периодически.

Серов: О деньгах?

031-Л: О деньгах. И... [пауза] о другом тоже.

Серов: О чём другом?

031-Л: [долгая пауза. Около десяти секунд. Взгляд уходит в сторону] Ну... он знал мои дела. Понимаете? Я ему рассказывал — мы дружили, я думал — это нормально. Рассказывал, как идёт, что не получается, где провалился. [пауза] А потом это... всплывало.

Серов: Как всплывало?

031-Л: [напрягается] Ну, вот, например, сидим с людьми. С общими знакомыми. И он говорит что-то вроде — «ну, Валера у нас человек опытный, через многое прошёл, правда, Валера?» И смотрит. [пауза] Улыбается.

Серов: И что в этом было для вас?

031-Л: [резко, первый раз с настоящей эмоцией] А то, что все понимали, что он имеет в виду! Что я облажался! Что у меня ничего не вышло! Что я его должник! [пауза. Берёт себя в руки] Извините.

Серов: Не нужно извиняться. Продолжайте.

031-Л: [тише] Ну вот... это и было сложно. Что он как бы дружески, а на самом деле — показывает. Всё время показывает.

Серов: Что показывает?

031-Л: [пауза. Говорит тихо и очень точно] Что я меньше него.

Вот оно. «Что я меньше него». Это — сердцевина. Не деньги. Не обиды в обычном смысле. Не конкретный поступок Лаврова. А это переживание — хроническое, накопленное, предельно личное: я меньше. Я меньше в его присутствии. Пока он существует — я меньше.

Я не торопился. Дал этому слову повисеть в воздухе.

Серов: Валерий Степанович, давно это было — ощущение, что вы меньше его?

031-Л: [долгая пауза. Около двенадцати секунд. Кажется, вопрос застал его врасплох — он ожидал, что я пойду в другую сторону] Давно. Да. [пауза] Наверное, с самого начала было

— немного. Но вначале было — нормально. Он успешнее, ладно. У каждого своё. [пауза] А потом... когда у меня стало хуже... [пауза] Оно усилилось.

Серов: Когда у вас стало хуже — в делах?

О31-Л: Да. Когда фирма закрылась. Когда пошли долги. [пауза] Вот тогда — да. [пауза] Рядом с ним было... тяжело. Стало тяжело.

Серов: Тяжело — как?

О31-Л: [ищет слова] Ну... как будто... [долгая пауза, около пятнадцати секунд] Как будто в зеркало смотришь. Только в зеркале — не ты, а то, каким ты должен был стать. И не стал. [пауза] Понимаете?

Серов: Понимаю. Продолжайте.

О31-Л: И при этом он рядом. И смотрит. И улыбается. И говорит вот эти свои вещи — «опытный», «через многое прошёл». [пауза] Это... это было невыносимо.

Серов: Невыносимо — это сильное слово.

О31-Л: [смотрит на меня прямо] Это точное слово.

Я записал: «невыносимо — точное слово». Он прав. Это точное слово для того, что происходит, когда стыд достигает определённой интенсивности. Он перестаёт быть чувством — становится физическим состоянием. Человек буквально не может его выносить — держать внутри, продолжать функционировать.

Стыд в этом смысле принципиально отличается от вины. Вина говорит: я сделал плохое. Стыд говорит: я — плохой. Я — недостаточный. Я — меньше.

И пока рядом человек, который является живым носителем этого переживания — само его присутствие невыносимо.

Серов: Валерий Степанович, я хочу понять кое-что важное. Вы сказали — Лавров напоминал. Говорил эти вещи при людях. Он делал это специально, как вы думаете?

О31-Л: [долгая пауза. Около восьми секунд] Вот это... [пауза] это я до сих пор не знаю.

Серов: Почему не знаете?

О31-Л: Потому что... [пауза] Иногда думаю — специально. Что он понимал, что делает. Унижает. Показывает другим, кто здесь главный. [пауза] А иногда думаю — может, он вообще не думал об этом. Может, он просто говорил — по-своему это было дружески. А я... воспринимал иначе.

Серов: И какая версия вам кажется более вероятной?

О31-Л: [очень долгая пауза. Около двадцати секунд. Смотрит в стол] Наверное... вторая. [пауза, голос тише] Наверное, он не думал плохого. [пауза] Это самое... это хуже всего, на самом деле.

Серов: Почему хуже?

О31-Л: [тихо, почти про себя] Потому что если бы он делал это специально — он был бы плохим человеком. Мерзавцем. И я бы имел право злиться. [пауза] А если он просто... говорил. Просто такой был. [пауза] Тогда злился я на него — за то, каким он был. За то, что он успешный. За то, что у него получалось. [пауза] А это уже не его вина. Это моя.

Это был один из редких моментов в моей практике, когда человек сам — без давления, без наводящих вопросов — доходит до точки, от которой обычно бежит. До признания, что объект ненависти, возможно, не был виноват. Что ненависть была направлена не на реальные действия, а на само существование человека, которое делало тебя меньше.

Я дал этому повисеть. Не заполнял тишину.

Серов: Валерий Степанович, в тот вечер — в кафе. Что произошло? Что он сказал?

О31-Л: [долгая пауза. Что-то меняется в позе — плечи чуть опускаются. Это не расслабление — это тяжесть] Мы разговаривали. Выпили немного. Я... я хотел поговорить о деньгах. О том, чтобы ещё немного отсрочить. [пауза] Он согласился. Сразу согласился — это не было проблемой, он не жадный был. [пауза] Но потом... он начал говорить.

Серов: О чём?

031-Л: [пауза. Голос становится тише и напряжённее] О том, что он беспокоится. Обо мне. Что видит, как мне тяжело. Что думает — может, мне поменять сферу. Что строительство — это не моё, может быть. Что у него есть знакомый, который берёт людей в продажи, и это может мне подойти. [пауза] Что он готов поговорить с ним.

Серов: Это звучит как забота.

031-Л: [резко, с болью] Это звучало как приговор.

Серов: Объясните.

031-Л: [голос дрожит — первый раз за беседу. Не истерически, а как бывает, когда долго сдерживаешь что-то тяжёлое] Он мне говорил — ты не справляешься. Ты не тянешь. Строительство — не твоё. Иди в продажи. [пауза] Я всю жизнь строитель. Я отец двоих детей. Я мужчина. А он сидит напротив — успешный, довольный — и объясняет мне, что мне надо идти продавать. Как мальчишке. [пауза] Как будто всё, что я делал двадцать лет — это было... [ищет слово] несерьёзно.

Серов: И что вы почувствовали?

031-Л: [очень долгая пауза. Около двадцати пяти секунд. Он смотрит в стол, и я вижу, что что-то внутри него работает — не вспоминает, а переживает снова] Стыд. [пауза] Такой... [пауза] Такой стыд, что я не мог смотреть на него. [пауза] И злость. Одновременно.

Серов: Злость на него?

031-Л: [тихо] На него. На себя. На всё. [пауза] Я не знаю точно, на что. Это было всё сразу — и это было... [пауза] как будто что-то рвётся. Внутри.

Серов: Вы пытались остановиться?

031-Л: [долгая пауза] Я не знаю. [пауза] Я помню — мы вышли. Я предложил пройти. [пауза] Я не знаю, зачем предложил. [пауза] Может, думал — свежий воздух, успокоюсь. [пауза] А может... [замолкает]

Серов: А может — что?

031-Л: [очень тихо] А может, уже тогда знал. [длинная пауза] Не знаю. Не знаю точно.

Серов: Валерий Степанович, вы говорите «что-то рвётся». Что именно рвалось?

031-Л: [долго молчит. Около тридцати секунд. Это самая долгая пауза беседы. Он не уклоняется — он внутри] [очень тихо] Терпение. [пауза] Нет, не терпение. [пауза] Что-то... что я держал. Долго держал. [пауза] Не только в этот вечер. Давно держал. [пауза] То, что я недостаточный. Что я не справился. Что я подвёл семью. Что я должен ему денег. Что мне скоро пятьдесят два, а у меня ничего нет. [пауза] Вот это всё держал. Держал, держал — и в тот вечер оно... вышло.

Серов: И вышло — на него.

031-Л: [пауза. Говорит с трудом] Да. На него. [пауза] Хотя... он был, наверное, просто последним. Поводом. [пауза] А за ним было всё остальное.

«За ним было всё остальное». Это — клинически точная формулировка смещённой агрессии. Он убил не того, кто причинил ему наибольший вред. Он убил того, кто оказался в точке, куда собралось всё накопленное: годы несостоятельности, провалы, долги, унижение, невозможность смотреть на себя так, как он хотел. Лавров был последним носителем этого — и поплатился за всё.

Серов: Валерий Степанович, я хочу спросить о Константине Лаврове — как о человеке. Не в тот вечер. Вообще.

031-Л: [пауза] Ну... [пауза] Он был хорошим человеком. [говорит это как будто через силу, но говорит] Правда. Он помогал. Не только мне — многим помогал. [пауза] Щедрый был. Деньги давал без расписки, без процентов. [пауза] Жена его — приличная женщина. Дочка у них — хорошая девочка, я видел несколько раз. [пауза. Голос садится] Она маленькая ещё. Лет четырнадцать, наверное.

Серов: Вы думаете о его семье?

031-Л: [долгая пауза] Думаю. [пауза] Каждый день думаю. [пауза] Особенно — о дочке. [пауза. Голос ломается — не слезами, а тем особым напряжением, когда слёзы держат изо всех сил] Что она без отца теперь. [пауза] Вот это... это я не могу... [замолкает. Долгая пауза] Это я не могу себе простить.

Серов: Что именно не можете простить?

031-Л: [тихо] Что она без отца. [пауза] Это уже не про деньги, не про обиды, не про то, что он говорил. Это — девочка без отца. [пауза] Из-за меня. [долгая пауза] Это я понимаю теперь. Понимаю — и ничего не могу с этим сделать.

Здесь — самый важный момент беседы с точки зрения оценки психологической структуры.

Он думает о дочери Лаврова. Каждый день. Эта мысль — не абстрактная, не декларативная. Она его задевает физически: голос меняется, тело напрягается.

Это — принципиально отличает его от субъекта 014-А, который про Людмилу сказал «неудобно получилось», и от субъекта 022-В, который «пытается» найти чувство и не находит.

Здесь — другое. Здесь другой человек реален. Дочка Лаврова реальна — не как категория, не как элемент ситуации. Как девочка, у которой нет теперь отца.

Это важно. Это не снимает вины. Но это показывает, что барьер, который должен был остановить, — он есть. Он был. Он просто не устоял перед лавиной того, что накапливалось годами.

Серов: Валерий Степанович, я хочу задать вам трудный вопрос. Вы можете не отвечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.